

— Хорошо, — спокойно отозвался Пэн Тяньюань. В это время сотрудники уже принесли наверх мольберты, акварельные краски и прочие принадлежности. — Раз ты выпускник Академии Фаньси, покажи нам, на что способен.

Юань Шаофэн замер:

— Учитель Пэн?

Пэн Тяньюань не обратил на это внимания, повернул голову к Линь Су:

— Сяо Су, ты тоже нарисуй картину.

Юань Шаофэн сразу понял намерение Пэн Тяньюаня. Тот не просто не доверял ему, а проводил проверку!

Иногда, если семя сомнения укореняется, оно незаметно вырастает в огромное дерево. С точки зрения Пэн Тяньюаня, у Линь Су до встречи с ним не было известного учителя, в то время как Юань Шаофэн выглядел гораздо более «посеребренным». Не то чтобы Пэн Тяньюань не верил своему ученику, но, плавая в море живописи более двадцати лет, он видел немало людей, сбившихся с истинного пути. Иногда перед лицом выгоды и славы честность не стоит ничего. Поэтому он должен был убедиться, что его ученик — честный и прямой человек. А лучший способ для этого — не проверять прошлое, а утвердить настоящее. Ведь улики можно подделать, но в такой дисциплине, как живопись, какой у тебя уровень — такую картину ты и нарисуешь.

Линь Су даже не взглянул на Юань Шаофэна, просто спросил Пэн Тяньюаня:

— Учитель, что рисовать?

Пэн Тяньюань:

— Что угодно.

Линь Су не стал тратить время зря, выдавил краски, немного смешал их, взял кисть и начал рисовать.

А Юань Шаофэн стоял перед мольбертом, взял кисть, но в голове был белый лист. Даже в тишине и одиночестве он не мог создать ничего выдающегося, не то что сейчас, когда на него смотрело столько людей.

— Ого, какая уверенная техника, — с восхищением произнес Чжао Вэй, не отрывая глаз от Линь Су.

Пэн Тяньюань медленно скривил губы в улыбке, повернулся к Юань Шаофэну:

— А ты? Почему не рисуешь?

Еще и нагло заявлять, что Линь Су скопировал его картину. Скопировал? Скопировал чистый лист, на котором за три минуты не можешь выдать ни одной линии?

Увидев это, Чжао Вэй крикнул:

— Рисуй же!

Сердце Юань Шаофэна дрогнуло, кисть с сухим стуком упала на пол.

Чжао Вэй славился своим громким голосом, он крикнул чисто рефлекторно, кто знал, что напугает ребенка так сильно, что тот выронит кисть.

Пэн Тяньюань неспешно подошел, поднял кисть с пола и протянул её Юань Шаофэну, глубоким голосом сказал:

— Рисуй.

Юань Шаофэн встретился взглядом с Пэн Тяньюанем и мгновенно почувствовал, будто провалился в ледяную яму. В сердце он понимал: Пэн Тяньюань ему больше не верит.

Если взглянуть на Линь Су, то он очень быстро погрузился в работу, и вскоре контуры далеких гор, густого леса и зеркального озера уже проступили на холсте.

Мать Юаня шагнула вперед и заслонила собой сына, с трудом выдавив улыбку:

— Простите, учитель Пэн, у Шаофэна в последнее время плохое самочувствие, вы же знаете, это сильно влияет на уровень мастерства.

Пэн Тяньюань молча забрал кисть и, словно человек с маниакальной чистоплотностью, вытер пыль с её рукояти. Но Юань Шаофэн чувствительно заметил, что Пэн Тяньюань с особым усердием вытирал именно то место, которого он касался только что. Что он хотел этим сказать? Что он недостоин того, чтобы держать кисть?!

— Раз вам нездоровится, тогда возвращайтесь домой сначала, — на лице Пэн Тяньюаня было теплое выражение, но в глазах читалось явное желание провести гостей. — Старина Чжао! Давай рисовать!

Чжао Вэй особо не задумывался, в последний раз взглянул на работу Линь Су и бодро заорал:

— Давай!

Юань Шаофэн и мать Юаня развернулись и ушли. В сердце Юань Шаофэна поднималось чувство стыда, готовое поглотить его легкие и сердце.

— Недаром говорят, ученик учителя Пэн, — кто-то восхитился. — Рисует действительно хорошо.

Пэн Тяньюань был рад в душе, но с одного взгляда заметил недостатки в картине Линь Су. Он немного принял серьезный вид и подозвал Линь Су:

— Сяо Су, подойди, я тебе кое-что объясню.

Даже когда объяснение закончилось, Пэн Тяньюань так и не упомянул о том, что Юань Шаофэн оклеветал его, обвинив в плагиате. Этот парень казался сдержанным и немногословным, но на самом деле мысли у него были очень чистыми. Такие грязные штучки и гнилые идеи не стоило того, чтобы пачкать ими чистый лист.

Воспользовавшись моментом, пока Пэн Тяньюань устал объяснять и пошел пить чай, Линь Су тут же вытащил из кармана желейную конфету со вкусом клубники и положил в рот.

Пэн Тяньюань это увидел и тут же весело рассмеялся:

— Тебе сколько лет, а все еще любишь конфеты?

Линь Су застеснялся и опустил голову, ничего не сказав.

Так они общались еще около трех часов, и Чжао Вэй также посмотрел на Линь Су другими глазами, не жалея передать ему некоторые маленькие хитрости.

Когда все уже подходило к концу, позвонил Гу Янь.

— Брат Янь, — Линь Су отошел в сторону. — Скоро заканчиваем, не беспокой Сун Цюаня, я сам вернусь на такси.

— Не нужно, — ответил Гу Янь. — У меня здесь тоже все в порядке, минут через десять буду у выставочного зала.

Линь Су кивнул:

— Хорошо.

Пэн Тяньюань, незаметно подойдя сзади, увидел, что тот закончил разговор, и не удержался от улыбки:

— Трудно представить, что ты смог соштись с тем парнем из семьи Гу.

Линь Су вздрогнул, но тут же пришел в себя:

— Брат Янь очень хороший, учитель.

— Хороший какой хороший, — Пэн Тяньюань скривился. — Его отец в свое время был известен как свирепый злодей, а сын еще хуже отца.

Линь Су рассмеялся:

— Учитель, папа тоже очень хороший собеседник.

— Некоторая свирепость не проявляется на лице, — Пэн Тяньюань похлопал Линь Су по плечу.
— Молодость.

Пока они разговаривали, двери распахнулись, и внутрь неспешно вошла стройная фигура. Когда Гу Янь молчал, его устрашающая сила была колоссальной, он развивался в направлении, чтобы превзойти даже Гу Хаошэна, и изначально расслабленная атмосфера невольно стала немного напряженной.

Линь Су тоже это почувствовал и внезапно понял, что имел в виду Пэн Тяньюань под «свирепым злодеем».

— Здравствуйте, учитель Пэн, — Гу Янь обнял Линь Су за плечи и с улыбкой поздоровался с Пэн Тяньюанем.

— Здравствуй, здравствуй, — Пэн Тяньюань выглядел как добрый и доброжелательный старец.
— Заехал забрать Сяо Су домой?

— Угу, — улыбнулся Гу Янь. — Если вы еще хотите продолжить, я подожду сбоку.

— Нет-нет нет, занимайтесь своими делами, — Пэн Тяньюань замахал руками, собирался еще что-то сказать, но вдруг увидел, как Гу Янь очень естественно засунул одну руку в карман брюк Линь Су, не зная, что там делает, и через мгновение услышал его тихий голос:

— Съел одну?

Линь Су улыбнулся и кивнул:

— Угу, во рту пресно.

— Тогда вечером хочешь острое или сладкое?

Линь Су серьезно задумался:

— Хочу и то, и другое.

— Невозможно, можно выбрать только что-то одно.

Линь Су:

— Сладкое.

Пэн Тяньюань:

— ...

Он вдруг подумал, что «одна отсутствовала», о которой говорил Гу Янь, неужели это была конфета...

Смотря на их уходящие спины, Пэн Тяньюань вдруг прозрел: простой характер Линь Су был не только его природой, но и результатом того, что кто-то построил вокруг него медно-железную стену.

— Брат Янь, в той кондитерской, куда мы часто ходим, появился лавовый пирог, — тихо сказал Линь Су, садясь в машину. — Я видел его, когда ехал сюда днем.

Гу Янь приподнял бровь:

— В нем слишком высокая калорийность.

Линь Су начал торговаться:

— Я могу съесть его в два приема.

Даже если убить Гу Яня, он бы не смог отказать, поэтому Бог Гу развернул машину и поехал покупать своему ребенку лавовый пирог.

Получив желаемое, Линь Су только тут вспомнил, что не рассказал Гу Яню про дело Юань Шаофэна.

Гу Янь внимательно выслушал, лицо его не изменилось:

— Тебе не нужно с ним разбираться.

Линь Су уставился на пирог в руках:

— Угу.

Гу Хуань рос быстро, стоило Гу Яню и Линь Су войти в дом, как они увидели, как он ползает туда-сюда по полу. К счастью, ковер на полу был постелен давно.

Нянюшка Цинь говорила, что Гу Янь в детстве еще был привередой в еде, но Гу Хуань совсем другой — что дашь, то и ест, и молочную смесь ест, и рисовую кашу ест, и какой-нибудь легко усваиваемый овощной порошок ест, схватит что-нибудь ароматное и тащит в рот. В тот день чуть не присмотрели, он чуть не схватил несколько зерен кошачьего корма, лежащего дома, и проглотил, напугав нянюшку Цинь так, что она тут же убрала корм на склад.

Линь Су был доволен этим, чувствуя, что ребенок пошел в него, его легко выкормить.

— Малыш, папа вернулся, — Линь Су поставил лавовый пирог на стол и одной рукой подхватил сына. — Ой, чувствую, каждый день вес прибавляет.

Гу Янь легонько шлепнул Гу Хуаня по маленькой попке:

— Тогда быстрее расти, чтобы наследовать корпорацию Гу.

Линь Су:

— ...

Гу Янь сделал два шага вперед, словно вспомнив что-то веселое, внезапно обернулся к Гу Хуаню и издал звук, подражая свинье:

— Хрю-хрю!

Губки Гу Хуаня задрожали.

Линь Су поспешил обнять ребенка и успокоить:

— О-о-о, всё хорошо, всё хорошо, папа с тобой просто шутит.

Но эмоции Гу Хуаня выплеснулись, он не выдержал:

— Аaaa!!!

Гу Янь просто смеялся до боли в животе.

Линь Су был весьма беспомощен:

— Брат Янь, ты такой скучный!

— Скучный, поэтому с ним и играю, — Гу Янь, насмеявшись, наконец, сказал. — Если бы не скучно, играл бы с тобой.

Лицо Линь Су покраснело.

Нянюшка Цинь, как раз в этот момент выносившая ужин, споткнулась. Это... это то, о чем она подумала?